

Свиток с докладом о делах в Сицзяне с сухим шелестом полетел на пол, угодив прямо под ноги министру доходов. Сверху, с высоты трона, доносился яростный голос императора, требующий немедленного ответа. Сжав зубы и переборов страх, министр нагнулся, подобрал бумагу и дрожащими руками развернул её.

Стоило ему пробежать глазами по строчкам, как лицо его исказилось. Вскинув голову, он с глубоким возмущением воскликнул:

— Ваше Величество! Сицзян — край суровый, дикий, граничащий с варварами Сижуня, не ведающими ни стыда, ни приличий. И нравы там всегда были буйными. Эти гнусные сплетни — наглая ложь! Из этого доклада ясно видно, что бывший генерал-губернатор за годы своей службы и пальцем не ударил, дабы привить местному люду добродетели и законы Великой Чжоу. Подобное упущение просто уму непостижимо!

Стоявшие в зале придворные остолбенели. Десятки чиновников уставились на министра доходов с таким изумлением, словно их взгляды могли прожечь в его парадном халате дыру.

Все отлично помнили: едва пришла весть о том, что Хан Сиэнь своей волей лишил должности генерал-губернатора Сицзяна, именно этот министр громче всех исходил желчью. Он топал ногами, требуя примерно наказать наглого юнца, и жаждал лично стереть Сиэня в порошок. И надо же — прошло всего несколько дней, а он уже запел совсем иное! Теперь главным злодеем, заслуживающим немедленной кары, у него сделался бывший генерал-губернатор.

Или дело в самом докладе? Что же такого написал наследник? Осененные этой догадкой, придворные перевели жадные взгляды с покрасневшегося лица министра на свиток, который тот сжимал в руках.

Самому же министру было не до триумфа — на душе скребли кошки. Бумага в его руках казалась не обычным отчетом, а раскаленным углем, который жёг пальцы.

Император лишь презрительно фыркнул, оценив изворотливость чиновника, а затем перевел взор на стоявшего впереди Цзи Ло. Тот, как всегда, держался скромно и чинно, почтительно опустив веки. Вглядевшись в лицо наследника, владыка спросил со странной, трудночитаемой интонацией:

— Что скажет наследный принц?

Министр с явным облегчением поспешил передать опасный свиток Цзи Ло. Наследник бегло просмотрел текст, после чего его лицо приняло строгое, исполненное благородного негодования выражение:

— Отец, я полностью согласен с доводами министра доходов. Нравы в Сицзяне грубы, и тамошний люд поддался дурному влиянию жунов. Все эти вздорные слухи не стоят и выеденного яйца, Вашему Величеству не следует принимать их близко к сердцу.

Император сухо усмехнулся. Обведя тяжелым, нещадным взором собрание, он произнес:

— Раз уж сам наследник считает так же, пускай и остальные верные слуги престола ознакомятся с сим писанием. Прочтите и поведайте мне, что вы думаете по этому поводу.

Цзи Ло с невозмутимым видом передал свиток стоявшему позади вельможе. Тот едва скользнул взглядом по иероглифам, как шумно втянул воздух сквозь зубы и гневно воскликнул:

— Какая несусветная чушь! Подобную гнусность могли измыслить разве что дикари из Сижун, дабы очернить имя нашего государя!

Свиток пошел по рукам, и каждый, кто читал его, показушно или искренне содрогался от праведного гнева. Но когда очередь дошла до герцога Хань, отца зачинщика этой бури, тот и вовсе изменился в лице. Грудь Хан Чжо ходила ходуном от ярости, а пальцы вцепились в шелк так крепко, что костяшки побелели. Не восседал бы на возвышении сам император, герцог, верно, разорвал бы этот проклятый доклад в клочья прямо на месте.

Сдержав порыв, он рухнул на колени и, устремив на владыку полный мольбы и скрытой злобы взгляд, глухо произнес:

— Ваше Величество! Сие посягательство порочит ваше священное имя и честь престола. Умоляю, велите провести строжайшее расследование!

Словно по команде, следом за ним на колени опустились еще несколько десятков придворных, хором вторя:

— Ваше Величество, герцог Хань прав! Нельзя оставлять это без следствия!

Среди военных чинов, людей горячих и скорых на расправу, поднялся глухой ропот. Один из генералов, не выдержав, зычно выкрикнул:

— Государь! Сицзян — дикая окраина, граничащая с чужаками. Трусливые псы Сижун не смеют пойти на Великую Чжоу войной, вот и брызжут ядом, силясь оскорбить величие Вашего Величества! Позвольте мне повести войска на Сижун, дабы проучить этих наглецов и раздавить их змеиное гнездо!

Гражданские советники, по обыкновению более осторожные, тут же поспешили охладить пыл вояк:

— Причастность Сижун еще надобно доказать. Однако раз дело коснулось чести государя, медлить нельзя ни дня. Поганные слухи уже расплозились по всей империи. Бывшего генерал-губернатора Сицзяна взял под стражу... кхм, наследник Хан, но ведь и командующий тамошними войсками Лю Хучэн не мог ничего не знать! На нем лежит не меньшая вина за этот позор!

Император безмолвно восседал на драконьем троне, наблюдая за спорами придворных с ледяным бесстрашием. На его памяти это был первый случай с момента восшествия на престол, когда и гражданские, и военные выказали такое поразительное единодушие. От этого зрелища в груди государя шевельнулось странное, почти сладостное чувство глубокого

удовлетворения — ведь все они сейчас радели о его личной чести.

Сквозь шум голосов Цзи Ло незаметно сжал кулаки. Сохраняя на лице привычное выражение безмятежного величия, он вновь шагнул вперед:

— Отец, доводы министров справедливы. Наследник Хан не жалел сил во благо престола и Великой Чжоу, а ныне стал жертвой гнусной клеветы. Мы обязаны провести расследование и... восстановить его честное имя. Дорога до Сицзяна долгая, края там суровые, а здоровье маркиза с детства слабое. К тому же и мой пятый императорский брат, и сам Сиэнь находятся на границе уже довольно долго. Быть может, пришла пора вернуть их в столицу?

В глубине души император был согласен с сыном. Стоило ему вспомнить о бывшем генерал-губернаторе Чжао Вэне и его приспешниках, которых Сиэнь без спроса засадил в казематы Министерства юстиции, как у владыки начинала невыносимо болеть голова.

Этот несносный мальчишка обнаглел до крайности: не имея высочайшего указа, самовольно низверг целого генерал-губернатора пограничных земель! С другой стороны, вспоминая о наложнице Чжао Вэня, оказавшейся шпионкой Сижуня, и о горах припрятанного в его резиденции серебра, император признавал, что поступок Хан Сиэня был до некоторой степени оправдан.

И всё же награды за это самоуправство юнец не дождет. Допусти государь подобное хоть раз — и вся государственная служба покатится под откос. Если каждый начнет вершить суд по собственному усмотрению, в стране воцарится хаос.

Будь Хан Сиэнь его собственным сыном, император, не задумываясь, лишил бы его всех титулов и сослал под домашний арест до конца дней за такое вопиющее пренебрежение властью.

Раздираемый противоречиями, правитель ни единым мускулом не выдал своего смятения. Предложение наследника он не принял, но и не отверг, сухо обронив, что этот вопрос будет решен позже. Царственный владыка должен был показать министрам, чье слово в Поднебесной остается последним и самым весомым.

Цзи Ло безропотно склонил голову, выражая покорность воле отца. На первый взгляд их отношения казались образцом сыновней почтительности и родительской заботы.

Когда аудиенция завершилась и государь покинул тронный зал, вельможи зашептались, расходясь по группам. Несколько сановников тотчас окружили наследного принца, заведя непринужденный разговор о пустяках — каждый из них жаждал выказать преданность будущему владыке и запомниться ему.

Цзи Ло благосклонно внимал их лести, на губах его блуждала мягкая улыбка. Благородная осанка, безупречные манеры и величие, сквозившее в каждом жесте, выдавали в нем истинного правителя новой эпохи.

Лишь вернувшись в уединение Восточного дворца, принц наконец сбросил маску благодушия. Лицо его сделалось холодным, губы сжались в тонкую линию. Сегодняшнее предложение отозвать Сиэня и пятого принца из Сицзяна преследовало еще одну, скрытую цель: он страстно желал, чтобы император доверил доставку указа именно ему.

Хотя до него доходили вести, что братья Бай обустроились на заставе неплохо, на душе у Цзи Ло скребли кошки: пока он лично не убедится, что Великий генерал Бай в безопасности, покоя ему не видать. Судя по донесениям Сиэня, на границе объявился третий принц Сижун, Хуань Лу, а значит, шаткое перемирие могло рухнуть в любой миг.

Поездка наследника престола укрепила бы боевой дух пограничного войска. Но имелся и другой, куда более важный мотив: пост генерал-губернатора Сицзяна освободился, и Цзи Ло был твердо намерен посадить в это кресло своего человека.

В его прошлой жизни спустя несколько лет на западных рубежах вспыхнул мятеж. Бай Вэньхана отправили туда усмирять бунт, но он сгинул в безжалостных песках — ни живым не нашли, ни мертвым. Пытаясь отыскать тело любимого, сам Цзи Ло попал в засаду и принял страшную смерть, пронзенный тысячей стрел.

Эту жгучую боль и жажду мести он пронес сквозь перерождение. Через маркиза Цзинго принц уже сделал на границе необходимые приготовления, но тревога не утихала. Война на окраинах не просто истощала казну империи — она пожирала жизни простых солдат и мирных жителей, обрекая их на невыносимые страдания.

В былой жизни его путь к трону был усыпан шипами. Он воочию видел, какие зверства творятся на войне, и как целые уезды превращаются в безжизненные пепелища.

В этой жизни столкновение с Сижунем оставалось неизбежным, однако теперь он поклялся встретить удар во всеоружии и задушить любую угрозу еще в зародыше.

Граница должна стать нерушимой стеной, лишенной брешей. Беда лишь в том, что отец по-прежнему посматривал на него с подозрением, так что эту поездку придется выторговывать с умом, тщательно продумывая каждый шаг.

Разложив в уме все пограничные дела, Цзи Ло невольно вернулся к содержанию злополучного доклада Сиэня. Слухи о том, будто молодой маркиз проложил себе путь вверх через императорское ложе, заставили принца прищуриться. Тяжелые думы отступили, уступив место мимолетному веселью.

«А ведь не зря его прозвали грозой Великой Чжоу, — иронично подумал Цзи Ло. — Где бы он ни появился, вокруг непременно закипают нешуточные страсти».

Одно дело — разграбление и арест усадьбы Чжао Вэня, из-за чего придворные непременно затеяли бы долгие распри. Но лишиться маски и одним этим сплотить вечно враждующих

сановников в едином порыве праведного гнева — на такое в подлунном мире был способен лишь Хан Сиэнь.

Принц тихо рассмеялся. Настроение его заметно улучшилось.

Тем временем разъехавшиеся по домам сановники на чем свет стоит поносили сицзянских сплетников. Почти в каждой столичной усадьбе сегодня звучали гневные тирады: даже если столичный сорванец высокомерен донельзя, у местных на границе совсем глаза повылазили, раз они несут такую околесицу!

Да на лицо Сиэня без содрогания даже демоны преисподней взглянуть не решатся! Как у кого-то язык повернулся заявить, будто благосклонность государя куплена в постели? С чего они взяли, что император польстился бы на такое чудо-юдо?

Придворные невольно примерили долю повелителя на себя. Стоило им представить, как они просыпаются посреди ночи и видят перед собой изуродованную шрамами физиономию наследника, по спинам пробежал ледяной озноб, а сердца сжимались от фантомной боли.

Хуже всех пришлось отцу виновника переполоха. После закрытия врат дворца Хан Чжо осаждали толпы сослуживцев. Наперебой выражая ему фальшивое сочувствие, они едва сдерживали злорадные усмешки. Домой, в герцогское поместье Хань, глава рода вернулся чернее грозовой тучи.

Пока император мучительно раздумывал, не пришла ли пора вернуть это стихийное бедствие обратно в столицу, в ворота города с грохотом влетел гонец. Срочное донесение от Хан Сиэня доставили эстафетой «восемьсот ли».

Маркиз во всех подробностях расписал, как и кем раздувалась грязная клевета. Он не стал выгораживать ни заместителя командующего Чжоу Жаня, ни пятого принца Цзи Хуая, прямо указав на их тайный сговор с принцем Сижуня, Хуянь Лу.

Прочитав доклад, император пришел в бешенство. Борьба за трон далась ему слишком дорогой ценой, и он отлично знал, чем пахнут подобные интриги. Если его собственный сын связался с врагами государства, истинные помыслы Цзи Хуая были ясны как день.

Вступить в сговор с чужеземцами ради утоления личных амбиций — такое предательство владыка простить не мог. Не теряя времени, он призвал Цзи Ло и велел ему немедленно отправляться на запад. Наследнику поручалось огласить высочайшую волю: вернуть Хан Сиэня в столицу, а пятого принца и Чжоу Жаня взять под стражу и под надежным конвоем доставить на суд в столицу.

Принимая свиток, Цзи Ло не сумел скрыть удивления. Он еще не успел задействовать свои рычаги влияния, а судьба сама вложила ему в руки столь желанную поездку. Требование привезти Цзи Хуая и Чжоу Жаня в кандалах ясно указывало: заговорщики совершили роковую ошибку.

В голове принца вихрем проносились планы, однако его лицо осталось бесстрастным.

Государь пристально посмотрел на сына и медленно произнес:

— Тебе уже сравнялось двадцать лет. Все это время ты упорно уклонялся от брака под любыми предлогами. Когда вернешься из Сицзяна и дело уладится, тебе надлежит обзавестись супругой. Восточному дворцу нужна хозяйка.

Цзи Ло едва заметно нахмурился, но вовремя сдержал чувства:

— Отец, ваш покорный слуга...

Не желая слушать пустые возражения, император властным жестом велел ему удалиться. Наследник покинул зал с тяжелым сердцем.

Как только за сыном закрылись двери, государь устало вздохнул и прикрыл веки. Стоявший поодаль евнух Юань Бао, великий внутренний управляющий, застыл безмолвной тенью, не смея нарушить покой господина ни единым вздохом.

Пока столица гудела от слухов и пересудов, никто из горожан даже в шутку не смел предположить, будто суровый наследник завоевал милость императора смазливой мордашкой.

В Сицзяне же после ареста Чжоу Жаня грязные наветы быстро сошли на нет.

Освободившись из-под стражи, Бай Шу тщетно пытался встретиться с Хан Сиэнем — тот словно вычеркнул его из своей жизни.

Раньше он без лишних раздумий прокрался бы через окно, но теперь дом охраняли круглые сутки. Наследник ясно дал понять, что не желает видеть гостя. К тому же Бая мучило запоздалое раскаяние, и лезть на рожон он не решался.

Бай Шу приходил со своим прошением каждое утро, но двери покоев оставались запертыми. Ему приказывали убираться, однако упрямый юноша стоял на своем. Он безмолвно ждал у порога до самых сумерек и лишь с наступлением темноты уходил прочь.

А на рассвете возвращался вновь.

Вскоре погода на границе испортилась. Всю ночь за окнами завывал шквалистый ветер, а к полудню небо затянуло свинцовыми тучами и хлынул холодный ливень.

Бай Шу по-прежнему стоял перед дверями, вымокнув до нитки. По лицу его струилась вода, губы были плотно сжаты. Горло саднило от сырости, и он не сдержался, глухо закашлявшись.

Спустя мгновение засов тихо щелкнул, и дверь распахнулась. Сквозь пелену осеннего дождя Бай Шу вскинул взгляд и замер, глядя на лицо, от одного вида которого сердце в его груди забилося как сумасшедшее.

<http://bllate.org/book/20088/2002091>